

— Маленький уездный чиновник, я уж уезжаю, а до сих пор не знаю твоего полного имени, разве что фамилию — Ван, — вздохнул Се Муцин и начал подшучивать над ним.

Как мог Се Муцин не знать имени уездного чиновника? С тех пор как тот отказался назвать свое имя, Се Муцин приложил все усилия, чтобы выяснить его полное имя. К счастью, жители северо-запада были простодушны, и, услышав, что он хочет узнать имя чиновника, все наперебой спешили сообщить его.

Но это имя действительно вызывало смех!

Уездный чиновник покраснел и долго мямлил, не желая говорить прямо.

Се Муцин притворно огорчился и отвернулся:

— Эх, видно, я так и не смог завоевать твое доверие, раз даже в момент расставания ты не хочешь назвать мне свое имя.

— Ван, Ван, Ван Эрху, — пробормотал чиновник.

— Что? Повтори, пожалуйста, я не расслышал.

— Ван Эрху! — крикнул чиновник, зажмурившись.

Се Муцин рассмеялся, глядя на его серьезный вид, но в служебных делах он как раз ценил его серьезность!

— Скажи, ты же чиновник императорского двора, почему бы тебе не сменить имя? Хотя бы на что-то более изящное. Ван Эрху, Ван Эрху — звучит как имя мясника, — усмехнулся Се Муцин.

Но уездный чиновник вдруг стал серьезен:

— Это имя дали мне покойные родители, и менять его ни за что нельзя, — сказал он, почесав голову. — К тому же, я и не стремился занять высокий пост, лишь хочу быть хорошим чиновником, приносящим пользу народу.

— Разве ты не знаешь, что чем больше власть, тем больше пользы можно принести народу? — спросил Се Муцин, желая узнать, что у Ван Эрху на уме. Неужели он действительно устоит перед соблазном высокого чина и богатства?

— Нет, мой отец говорил, что чем выше чин, тем больше жадности. Жадный чиновник не может приносить пользу народу, — отрезал Ван Эрху с серьезным видом.

Се Муцин был поражен. Это точно талант для должности цензора!

— Хочешь ли ты поехать со мной в столицу и стать цензором, чтобы искоренить всех коррумпированных чиновников Поднебесной? — без колебаний предложил он.

Ван Эрху покачал головой, отказываясь. Се Муцин был разочарован:

— Почему? Ведь быть цензором и бороться с коррупцией — это тоже приносит пользу народу. Не обязательно делать только мелкие дела.

Ван Эрху подумал и снова покачал головой, не желая ехать в столицу.

Се Муцин не стал настаивать. Взяв со стола несколько листов бумаги, он тщательно изложил свои мысли по управлению северо-западом и передал их Ван Эрху:

— Это мои идеи по управлению. Возможно, это лишь теория, но я надеюсь, что ты сможешь претворить их в жизнь. Раз уж ты не хочешь ехать со мной в столицу, то вылечи эту северо-западную землю ради меня!

Через три дня Се Муцин отправился обратно в столицу, забрав с собой умного Лин Шэнпина, и в напутствие сказал Ван Эрху одно слово: гибкость.

На обратном пути умный Лин Шэнпин и умный Чжао Хуайцзинь вели глубокие беседы. Оба имели свои уникальные взгляды на управление государством, и всего за один день они стали близкими друзьями, обсуждая научные вопросы до глубокой ночи.

Се Муцин наблюдал за этим с досадой. Почему каждый раз, когда Аюй возвращался после разговора, он сиял от счастья, а с ним всегда говорил небрежно, быстро переходя к другим темам...

Итак, незаметно Се Муцин занес Лин Шэнпина в графу «соперники».

Лин Шэнпин заметил, что наследный принц, пригласивший его в столицу, в последнее время стал относиться к нему с недовольством: постоянно ворчал, хмурился, косился... словно невыросший ребенок.

Присмотревшись, он понял, что каждый раз, когда он оживленно общался с господином Чжао, наследный принц смотрел на него с крайней неприязнью, но, встречаясь с ним взглядом, сердито отворачивался, ведя себя очень странно.

Чжао Хуайцзинь не заметил ничего странного в поведении Се Муцина. Он был погружен в радость от обретения родственной души. Сколько это стоило ему: с юных лет попасть во дворец и учиться вместе с глупеньким наследным принцем, который к тому же время от времени приставал к нему. Хотя позже он и сам влюбился в него.

Но родственная душа — это редкая удача, и никто не мог помешать ему наслаждаться общением с другом!

Се Муцин яростно тыкал палочками в кусок свинины в кисло-сладком соусе, представляя, что это Лин Шэнпин, и размазывал его по тарелке. В этот момент двое главных действующих лиц вошли, горячо обсуждая вопросы земледелия.

— На северо-западе хорошо растут пшеница, соя и гаолян. Если год будет удачным, урожай будет хорошим. В южных районах также можно выращивать рис... — говорил Чжао Хуайцзинь.

— Хуайцзинь, ты ошибаешься. В книгах, конечно, все верно, но нужно учитывать реальные условия. Например, в этом году был недостаток воды, но иногда бедствия происходят не из-за засухи... — возражал Лин Шэнпин.

«Ой-ой-ой, всего несколько дней, и уже перешли на имена!» — это была внутренняя реплика Се Муцина, полная ревности.

Что касалось практического опыта, то Чжао Хуайцзинь, конечно, уступал Лин Шэнпину. Тот когда-то был богатейшим купцом, а ныне, встав на путь истинный, мог свободно рассуждать на любые темы, что часто приносило Чжао Хуайцзиню большую пользу.

Двое сидели за столом и долго болтали, пока еда не остыла. Наконец, Чжао Хуайцзинь подвел итог:

— Брат Лин, ты действительно эрудирован, тебе знакомы дела по всему Китаю. Я восхищаюсь тобой. Прошу, угощайся.

Лин Шэнпин скромно махнул рукой:

— Эх, это не такая уж эрудиция. Просто я много путешествовал, объездил много мест и примерно знаю обычаи и нравы тамошних краев.

— Если брат Лин знает лишь немного, то я, Хуайцзинь, и вовсе невежда.

Они продолжали обмениваться любезностями, а Се Муцин устался на кусок цветной капусты, словно ожидая, что тот расцветет.

Наконец, когда они взялись за палочки, Се Муцин с облегчением вздохнул и ушел к себе в комнату прилечь.

Се Муцин вертелся в постели из стороны в сторону, из стороны в сторону. Едва начало клонить в сон, как за дверью снова раздался спор.

Лицо Се Муцина потемнело. Тот, кто мешает спать, заслуживает кары небесной!

Се Муцин не выдержал, резко вскочил с постели, нахмурившись открыл дверь и обратился к Чжао Хуайцзиню:

— Зайди ко мне.

Они переглянулись, не понимая, что задумал Се Муцин. Чжао Хуайцзинь вошел:

— Ацин, что случилось?

— Аюй, кем ты считаешь Лин Шэнпина? — спросил Се Муцин.

— Другом души! А что? — с удивлением ответил Чжао Хуайцзинь.

— А я?

— Ты? Ты... — Чжао Хуайцзинь не нашелся с ответом. Если сказать, что это человек, в который он влюблен, можно его напугать; а если назвать господином, то это создаст дистанцию между ними.

Но кто знал, что эта заминка Чжао Хуайцзиня будет воспринята Се Муцином как попытка найти отговорку и отмахнуться. Се Муцин был очень разочарован, он вытолкнул Чжао Хуайцзиня за дверь:

— Аюй, я немного устал, я отдохну, а ты продолжай беседовать с господином Лином.

Сказав это, он устало прикрыл дверь, оставив их за порогом.

Чжао Хуайцзинь замер. Что случилось? Почему все так внезапно изменилось?

Лин Шэнпин рассмеялся:

— Ваше высочество, вероятно, расстроено тем, что я увлек твое внимание, и ты не можешь поболтать с ним, поэтому и дуется.

Услышав это объяснение, Чжао Хуайцинъ тоже рассмеялся. Оказывается, Ацин все еще ведет себя как ребенок, обижаясь на такие пустяки. Если... В голове Чжао Хуайцинъ созрел смелый план.

Свернувшись в одеяле, Се Муцин вдруг громко чихнул. Он потер нос. Неужели отец-император соскучился по нему? Он тоже скучал по отцу. Он глупо улыбался, представляя их встречу — она наверняка будет очень трогательной.

Пока он погрузился в сладкие грезы, он даже не подозревал, что хитрый лис Чжао Хуайцинъ снова строит козни.

Се Муцин заснул, уставившись кучей бессвязных мыслей, и не слышал, как открылась дверь его комнаты. Человек, вошедший туда, долго смотрел на него, а потом лишь нежно поцеловал его в лоб.

— Какой же ты дурак... — прошептал он. В свете яркой луны его лицо стало четким. Он медленно улыбнулся, и этим оказался Лин Шэнпин!

<http://bllate.org/book/17702/1653023>